

A romantic couple in historical attire. The man, on the left, has a beard and is wearing a dark blue jacket over a red patterned shirt. The woman, on the right, has long, wavy brown hair adorned with a red flower and is wearing a white blouse with a large lace collar and a dark vest. They are both looking towards the camera. At the bottom of the image, they are holding a large bouquet of orange and red flowers.

Нина Захарина

Семейная сага. Анна

Нина Захарина

Семейная сага. Анна

«Автор»

2025

Захарина Н.

Семейная сага. Анна / Н. Захарина — «Автор», 2025

"Анна"- продолжение книги "Иван и Марина". Сложная, временами трагическая судьба, в которой всё- любовь и предательство, тюремное заключение и реабилитация, четверо детей, которых поднимать пришлось одной - но на всю жизнь сохранила она свой жизнерадостный, добрый характер. Дом её всегда оставался гостеприимным и хлебосольным для всех близких. Великая труженица с юных лет, таёжница, наравне с мужиками таскавшая горбовики с ягодами и грибами - и всегда с шутками, прибаутками, песнями. Поэтесса, не записывавшая своих стихов и не понимавшая силу своего таланта.

© Захарина Н., 2025

© Автор, 2025

Нина Захарина

Семейная сага. Анна

Сколько Анна себя помнила, отец всегда был рядом. Остальные дети постарше: Маня с Саней мамины помощницы, Ваня скотину пас – уходил рано утром, приходил вечером. И как – то так повелось, что Анна больше с отцом находилась. Приходил кто за помощью, а она уж бежит с ковшом воды. Отец молится над ковшом, а она притихнет рядом, прислушивается, присматривается. Как – то разговор родителей услышала, лет пять ей тогда было. Дети уже забрались на печь, старшие давно уснули, а она в щёлку занавесок поглядывала на родителей, те засиделись за столом.

– Нюрка – то к знахарству тянется, каждое слово впитывает. Будет мне кому дар свой передать.

– Да как же, Ваня, не по крови – то можно разве передать?

– Выходит, можно. По духу она мне близкая, ближе всех.

– Это уж точно, ни на шаг от тебя не отходит, каждое словечко ловит.

Мало что Нюра из родительского разговора поняла, но усвоила, что отец не против её желания быть рядом с ним. Она и матери во – всём стремилась помогать, за любую работу хваталась, иногда и непосильную для её возраста. А ещё любила она с отцом на ярмарки ездить. Ярмарочный гул, веселье, песни, а то и пляски завораживали её. Даже случающиеся драки были какими – то не страшными, а тоже с элементами веселья, потому что вокруг собиралась толпа, улюлюкала, подзуживала, хохотала.

В последний раз ездила она на ярмарку с отцом в 10 лет, больше он её не брал. В тот год слух прошёл, что в соседнем районе кто-то оспой заболел, район перекрыли, объявили карантин, но в Харики ярмарку всё же организовали: весна, вот – вот посевная начнётся, не до ярмарок уже будет. Иван свинью заколол, лапти наплёл к ярмарке – брали их хорошо. Лаптями Нюра торговала – сыпала прибаутками, зазывая покупателей, звонко смеялась ответным шуткам. Как всегда, вокруг неё толпа. Последний покупатель парень молодой, смешливый, затеял с Нюрой соревнование, кто кого частушками да прибаутками победит. Пели задорно, вокруг хохотали, Иван посмеивался в бороду – не было такого, чтобы Нюрку кто – то перепел, откуда что бралось, но сочиняла она на ходу. Так и есть, перепела парня. Тот со смехом подхватил её, закружил, звонко поцеловал в нос и поставил на подводу. Повернулся уходить, но запнулся на ровном месте, чуть не упал. Иван хотел поддержать, но парень уже выровнялся, вскинул на Ивана глаза, и тот остолбенел. Опытным взглядом знахаря он увидел то, что ещё не явно было остальным. Лихорадочный взгляд, пока ещё чуть заметные пятна на лице. Оспа! Потрясённо он обернулся к телеге, где стояла смеющаяся Нюра, которую этот парень только что поцеловал.

– Домой! – он запрыгнул на подводу, стегнул лошадь. Нюра от неожиданности упала на дно телеги, вскрикнула. Иван даже не обернулся, торопясь выбраться на дорогу.

– Тятенька, что случилось – то?

– Беда, Нюра, беда. Молчи, дай подумать.

Уже на выезде их окликнул сосед. Иван остановился, сделал предупреждающий взмах рукой:

– Никифор, скажи Марине, что мы на заимку по делам. Пусть завтра поутру придёт.

И, не дожидаясь ответа, стегнул лошадь. Сосед, собравшийся поболтать, остался на дороге, провожая его удивлённым взглядом.

Нюра больше ничего не спрашивала, притихла за спиной отца. Видела, что произошло что – то серьёзное, но что? Из – за соревнования этого песенного не мог рассердиться, из – за поцелуя? Так в нос парень поцеловал, да и она ещё маленькая, что тут такого?

На заимке отец сказал ей растопить печь, сам ушёл к ручью. Принёс воду, поставил чайник, присел к столу. Ей указал на лежанку, и она послушно села в отдалении.

– Разговор у нас с тобой серьёзный будет, Нюра. Парень этот оспой болен, и касался тебя. Домой нам возвращаться нельзя. Дней через 10-12 только ясно будет, заболела ли ты. Эти дни лечиться с тобой будем оба – намолённую воду пить, коренья я накопаю, будем отвары делать, травка уже появилась, поищу нужные травы. Не скрою, болезнь страшная, смертельная. Но даст Бог, преодолеем.

– Тятенька, а как же ты? Нельзя ведь тебе рядом находиться. Ну как заболеем оба, кто же нас спасёт тогда? – Нюра заплакала.

– Не плачь, девонька. Силы нам с тобой нужны, не будем их тратить зря. Ты лежи, сильно – то не нужно нам контактировать. Я отвары буду на табурет ставить, а ты забирать. Выпьешь, и туесок в мешок. Возле кровати поставлю. Я мешок потом сожгу. Туесков наготовлю, благо берёзовая роща рядом. Она и сок нам даст берёзовый, тоже хорошо. Будем с тобой это время кореньями да травами питаться, тяжёлую пищу не нужно принимать, силы на неё тратить. Ничего, дочка, справимся.

Нюра с надеждой взглянула на отца. Сколько раз видела, как привозили к нему умирающих, бессознательных, а уходили всегда на своих ногах, ни один человек не помер, недаром слава о знахаре Иване Борисове так далеко разошлась. А уж дочь свою любимую и по давню смертушке не отдаст. Она опустила голову на подушку, и вскоре уснула. А Иван долго ещё сидел у стола, тяжело задумавшись. Хватит ли у него сил и знания, чтобы спасти не только дочь, но и себя тоже?

Утром собирал травы, копал коренья, но от зимовья далеко не отходил – боялся прокараулить Марину. Видел, как пошла в кусты Нюра. С вечера договорились, куда будет ходить и забрасывать после себя землёй. Накопал ей земли побольше, лопату оставил. Нюра вернулась в зимовье, и в это время на краю поляны показалась Марина. Иван окликнул её:

– Марина, дальше ни шагу! Стой там.

Она остановилась, испуганно глядя на мужа.

– Беда у нас, Марина. Нюру парень оспенный коснулся. Домой нам нельзя, и вам сюда ходить тоже не нужно, предупреди в деревне. Собери нам исподнее бельишко, какое есть дома, оставишь на этом месте. Сменку – то жечь придётся. Крупы можно и соли, раз в день кашку сварить, а так кореньями да травой питаться будем, нам это важнее. Дай Бог, выкарабкаемся. Но на всякий случай наказ тебе строгий даю – раз в неделю приходи на это место, только сюда, больше нигде не броди. И приходи ближе к обеду, с утра за травами да кореньями ходить буду. Если что принесёшь, узелок так ставь, чтобы мне палкой удобно было зацепить издали. Если не увидишь меня, покличь. Но не подходи к зимовью. Не выйду если, домой иди, а на следующий день снова придёшь. Если подцепили заразу эту, она дней через десять только вылезти может. Но в любом случае месяц нам с Нюрой здесь жить, если всё обошлось. А уж если нет, то Бог нам в помощь. Эти 10 – 12 дней нам даны, чтобы попробовать придавить болезнь, да запас сделать кореньев и трав. Самое главное говорить – то страшно, Марина. Если неделю к тебе не выйду, ещё дней десять ходи так же к обеду. Но не смей к зимовью приближаться, а то и себя, и остальных детей погубишь, да и в деревню беду принесёшь. Зимой тогда сожжёте зимовье...

– Да что ж ты такое говоришь, Иван! – вскрикнула Марина, и заплакала.

– Мы постараемся с Нюрой, а вы молитесь за нас. Когда будешь приходить, долго здесь не задерживайся. Положила, что принесла, и уходи. Неделю, скорее всего, ничего не будет. А там уж, как Бог даст. Если уж не суждено нам выбраться, ты прости меня за всё.

– Ваня, да как же не суждено. Столько людей на ноги поставил, неужто себя с дочерью не вытащишь. И не сомневайся. Я приходить буду хоть издали взглянуть на вас. А что ж Нюра не вышла?

– Не нужно ей бродить. Вот до кустиков только, и обратно той же тропкой. Ты мне принеси старенькое одеяло, какое не жалко сжечь, я на чердаке пока спать буду. Иди, завтра увидимся.

Марина ушла, Иван заглянул в зимовьё:

– Нюра, я за кореньями. В туюске отвар, пей. Мамка завтра крупы принесёт, кашу сварю. Общаться пока с тобой не будем, только по необходимости, ты это понимаешь.

– Понимаю, тятенька. Нам главное – пережить беду эту. Всё перетерплю.

Иван улыбнулся дочери, и ушёл в лес. Потянулись дни напряжённого ожидания, так прошло более недели. Пили они только намолённую воду и всевозможные отвары, раз в день Иван варил кашу. На лавке стояла вся посуда, какая была в зимовье, наполненная отварами на тот случай, если не будет сил готовить их.

На десятый день по лихорадочному блеску Нюриных глаз Иван понял, что оспы избежать не удалось. И началась борьба за жизнь, слившаяся в сплошной кошмар. Нюра металась в бреду, плакала от страшной головной боли, от боли в мышцах, рвота просто выматывала – организм ничего не принимал, даже воду. Что Иван мог поделать? Не отходил от постели, обтирал мокрой тряпкой, на лбу не успевал менять, так быстро они высыхали от жара. На третий день, отчаявшись, намочил простынь и завернул Нюру в мокрую ткань. Та подсыхала, и он снова мочил и заворачивал. Глубокой ночью не выдержал – прилёг на полу передохнуть, и вырубился.

Проснулся, как от удара, сел. В зимовье стояла гнетущая предутренняя тишина. Напряжённо прислушался к дыханию Нюры – за эти дни и ночи привык к тяжёлому сиплому дыханию, к почти непрерывному бредовому бормотанию, и проснулся от внезапно наступившей тишины. Сидел на полу рядом с лежанкой, смотрел на неподвижное маленькое тело, завернутое в простынь, как в саван, и плакал. Время шло, но сил подняться, подойти просто не было. Обида на своё бессилие перехватывала горло, так плохо ему ещё никогда не было. В какой – то момент боль и обида пересилила, и Иван зарыдал, обхватив голову руками, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Тятенька, ты что? Тебе плохо? – услышал он испуганный шёпот.

Вскинул голову и уставился на торчащую из простыни лохматую голову Нюрки. Вскочил, склонился над постелью, положил руку на лоб – прохладный. Ещё не веря, опустил на колени, сгрёб её в охапку, прижал к себе:

– Нюрка, дочка, жить будем, похоже, – и радостно рассмеялся, – Разбудил я тебя, девочка? Испугал?

– Немножко. Испугалась, что заболел ты, от этого плачешь.

– Нюра, возможно, и заболею. Тогда ты за мной ухаживать будешь, ты – то теперь на поправку пойдёшь. И оспа тебе теперь не страшна, второй раз ею не болеют. Если заболею, температура высокая будет. Я на полу себе постелю. Простынь мочи и ею укутывай, я вот сразу не догадался. Отвары в рот вливай. Если на четвёртый день температура спадёт, как у тебя сегодня, значит, всё хорошо, жить будем. И ещё – пятна у тебя на теле появятся, на их месте потом гнойнички – не расцарапывай, как бы не чесались. Они сами прорвутся. Пока гнойники будут назревать и лопаться, корочки образовываться, тяжело тебе придётся – лихорадка вернётся, бред. Хорошо, если я сам не свалюсь в это время. Выстоим, дочка?

– Выстоим, тятенька. Кто же нам поможет, только мы сами.

– Ну, вот и ладно. Как корочки начнут отваливаться, легче станет. Рубцы на этом месте на всю жизнь останутся, но лучше уж с рубцами жить, чем на тот свет уйти.

Днём Иван внимательно осмотрел дочь. На кончике носа справа небольшое пятнышко, больше не видно. В голове не стал смотреть, что среди волос увидишь. Будут, конечно, среди волос всегда гнойники образуются, но это ладно, эти рубцы не видно будет. Если только на носу оспина останется, тоже хорошо. Обычно оспа обезображивает людей.

В обед пришла Марина. Иван порадовал её известием о Нюре, обрисовал ситуацию и сказал дней 10 не приходить. Им сейчас силы нужны будут. В деревню возвращаться нельзя не менее 40 дней с начала болезни. Марина ушла. Стадия до отпадания корочек прошла не так страшно, как они ожидали. А сам Иван не заболел. Были какие – то отголоски в виде ломоты в спине, боли в мышцах. Может, незначительно и температура повышалась, но всё прошло без последствий. На всякий случай прожили на заимке два месяца. Марина раз в неделю приходила, но меры предосторожности так же соблюдали. Через два месяца вернулись домой, и потекла жизнь по прежней колее, вот только Нюра с отцом стали ещё ближе, чем раньше.

Глава 2

Нюре было 17 лет, когда в Харике началась вербовка на прииски в Читинскую область, среди прочих требовались и поварахи. Из колхоза не отпускали. Колхозники были даже без паспортов, а здесь такая возможность вырваться в большой мир. Недельку Нюра уговаривала родителей, и наконец Иван дал согласие, сам повёз дочь в Харик. В здравомыслии дочери был уверен, росла Нюрка хоть и бесшабашной с виду, но устои крепкие, характер сильный.

По распределению Нюра попала в Балейзолото, крупный комбинат по добыче золота и серебра. Получила койку в общежитии в комнате на четверых, с девушками подружилась быстро – вместе утром бежали на комбинат, в обед в столовую, вечером в клуб на танцы. Нюрой её здесь никто не звал, по документам – то она Анна, она и сама скоро привыкла к непривычному городскому имени. Хваткая, легко обучаемая, она быстро вышла в передовики производства.

В этот вечер она отстала от девчонок – с утра замочила бельишко, надо было постирать. Танцы уже были в разгаре, когда она подбегала к клубу. На крыльце курили трое парней, двое из их цеха, а третий незнакомый. Анна легко взбежала на крыльцо и чуть не упала, споткнувшись. Незнакомец подхватил её, и продолжал держать за плечи, разглядывая. Анна знала, что она не красавица, и никогда не комплексовала, но от наглого бесцеремонного разглядывания невольно покраснела. А незнакомец склонился к ней и поцеловал в губы. За спиной захохотали парни, и это привело её в чувство. Коротко размахнувшись, она от души врезала по наглому ухмыляющейся физиономии и, вырвавшись, прошла в клуб. Губы горели, а внутри всё кипело от бешенства – не о таком первом поцелуе мечтала она по ночам!

– Аня! – услышала она Катин голос, – иди сюда, мы здесь.

Она пробилась сквозь толпу к своим девчонкам.

– Ты что такая – то взбудораженная? И злая.

– Там на крыльце парень незнакомый. Не знаете, кто это?

– Кузьма Перфильев, в отпуске был, домой ездил. Не вздумай влюбиться в него, он шесть раз уже женат был, кобелина.

Анна рассмеялась: -

– Ну, уж это мне точно не грозит. Я таких кобелей и у себя в деревне достаточно видела.

На сцену поднялся Сашка – гармонист, и заиграл плясовую. Подружки подхватили Анну, и влились в круг. В середине круга отплясывали самые заядлые танцоры, и Анна сразу увидела Кузьму. Он плясал со Светой из их общежития, плясали красиво, слаженно, и Анна невольно следила за ними. Не красавец, обычный парень. Шесть раз уже женат был, это как же так, молодой вроде. Может, врут девчонки? Поймав себя на мысли, что слишком много думает о наглеце, Анна сердито отвернулась. Плясать расхотелось, и она вышла из круга. Постояла немного у стенки. Хорошего настроения как не бывало. Стёпка, заведовавший патефоном, пошёл ставить пластинку. Гармонист прекратил играть. Основная толпа отхлынула к стенам, но многие пары остались, ожидая музыку. Вздохнув, Анна пошла к выходу.

Дня три в клуб Анна не ходила, не было настроения. В выходные девчонки уговорили. Ещё издали увидела на крыльце группу ребят, и среди них высокую запомнившуюся фигуру Кузьмы. Настроение испортилось – и зачем пошла? Поднялись на крыльцо, и тут её взяли за

руку. Анна резко повернулась, и лицом к лицу столкнулась со своим обидчиком. Зло взглянула в улыбающееся лицо:

– Тебе что надо?

– Да ничего, – пожал тот плечами, – что злая такая? Поцелуй не понравился?

Анна сплюнула ему под ноги: –

– Ещё раз сунешься со своим слюнявым ртом, пожалеешь.

Тот в ответ захохотал:

– Испугала, пигалица. Поди, и не целовалась до меня, спасибо должна сказать, что попробовала.

– Кому ты нужен, герой, – Анна вырвала руку и прошла в клуб.

– Аня, он что к тебе цепляется? Ты осторожнее с ним.

– Да знаю я, Катя. А вот что от меня ему надо, не понимаю. Вроде столько вокруг и девчонок, и разведёнок, что не прочь погулять. Да ладно, что о нём говорить. Так, языком ему захотелось потрепаться, а я под руку попала.

– Не скажи. Колька вчера подходил, про тебя спрашивал. Говорит, Кузьма интересуется, почему в клуб не приходишь.

Заиграл патефон, на середину зала начали выходить пары. И тут она увидела Кузьму – он шёл в их сторону. Анна растерялась. Если пригласит, отказывать не принято, это как оскорбление. Ну что он прицепился к ней, что надо то? Из – за пощёчины так взелся, так он же первый начал! Она огляделась, собираясь сбежать, но не успела – Кузьма уже стоял перед ней, протягивая руку:

– Потанцуем, пигалица?

Анна сердито фыркнула, но руку подала, куда денешься. Присоединились к танцующим парам. Сквозь тонкое платье она чувствовала его горячие ладони, и незнакомое чувство будоражило, щекам было жарко. Кузьма крепче обнял, попытался прижать, но Анна руками упёрлась в грудь, остановилась, вскинув на него негодующий взгляд.

– Да ты и правда ни с кем ещё не гуляла, что ли? – удивлённо спросил Кузьма.

– Некогда мне глупостями заниматься. Да и какое твоё дело, что тебе надо.

– Да вроде бы ничего. Интересная ты какая – то, не как все. Ладно, давай танцевать, не буду больше прижимать, раз не нравится.

И действительно больше к себе не прижимал, но пальцы рук подрагивали, поглаживали незаметно, и у Анны замирало всё внутри от незнакомых ощущений. Танец закончился. Кузьма хотел проводить её на место, но Анна почти убежала, ловко лавируя среди толпы. Он усмехнулся, и пошёл к своим друзьям. Те встретили смешками, но это его не затрагивало. Руки ещё ощущали упругое тело, а губы помнили сорванный поцелуй. И чем так зацепила? Ведь не красавица. Обожгла негодующим взглядом, и притянула. А рука, надо сказать, тяжёлая, не девичья. Врезала так, что в ушах зазвенело. Нет, не упустит. Будут эти руки обнимать его, и губы эти он будет целовать, никуда не денется. Он поискал взглядом Анну. Подружки её стоят у стенки, а самой не видно. Неужели опять сбежала? Пошёл к девчонкам, спросил. Так и есть, ушла сразу после танца. Ну, что ты будешь делать с этой девчонкой!

Поставили новую пластинку. Кузьма окинул взглядом зал, ловя приглашающие взгляды, но остался стоять на месте. Танцевать расхотелось. Смешно, ведь второй раз всего увидел эту девчонку, а она уже верёвки из него вьёт, и пальчиком не пошевелив.

Вышел на крыльцо. Взял протянутую папиросу, закурил.

– Кузьма, ты на Аньку вроде глаз положил?

– Даже не знаю. Но зацепила чем – то, сам не пойму. Не выпущу.

– Девка неплохая. Работящая, хваткая, по характеру сильная, несмотря на свой рост.

– Да уж. Рука не девичья, врезала от души.

Вокруг засмеялись. Ребята ушли в клуб, а Кузьма медленно пошёл по улице. Подошёл к женскому общежитию. Заходить не стал, всё равно вахтёр не пустит, не положено. На крыльцо вышла девчушка с половичком в руках, отошла в сторонку и стала его трясти. Кузьма подошёл к ней:

– Привет! Ты Анну Борисову знаешь?

– Кто же Аню не знает.

– Позови её. Скажи, поговорить нам надо.

– Скажу, что не сказать – то. Пойдёт ли только. Не гуляет она с вашим братом.

Кузьма рассмеялся:

– Ишь ты, не гуляет с нашим братом. Но ты позови. А там уж сама пусть решает. Я же не гулять зову, а поговорить.

Девчушка хмыкнула скептически, и ушла. Кузьма ждал. Время шло, но никто больше не выходил. С досадой хлопнув по голенищу сапога, он развернулся и сделал уже несколько шагов, когда услышал негромкий голос:

– Ну, и что тебе надо?

Стремительно обернулся – на крыльце стояла Анна в том же платье, что и в клубе была.

– Поговорим?

– О чём?

– Да и сам толком не знаю. Присядем? – он кивнул на лежащее в сторонке бревно.

Анна спустилась с крыльца, подошла к бревну и села. Кузьма пристроился рядом, искоса взглянул:

– За что же ты нашего брата так не любишь?

– А за что вас любить – то? По углам обжиматься, а потом плакать в подушку? Незачем мне это. Поработаю год – два, и домой. А любить – уж не себя ли предлагаешь? – Анна насмешливо посмотрела на него.

Кузьма оторопел от такого откровенного вопроса:

– Ну ты, девка, даёшь! А если и себя – чем плох?

– Может, и неплох, кто знает. Да только мне это не нужно. Кем назовёшь, подружкой временной или женой? А если и женой, то какой по счёту? Седьмой? Каждый год меняешь жён? Ну, так мне это не подходит. Мне если нужен будет мужик, так на всю жизнь. Так что иди своей дорогой.

Анна встала с бревна и ушла в общежитие, ни разу не оглянувшись. Кузьма растерянно смотрел ей вслед:

– Вот ведь зараза. Пигалица, смотреть не на что, а туда же.

Он резко поднялся, и пошёл прочь. В клуб возвращаться, выслушивать хоть и дружеские, но всё – же насмешки, не хотелось. Пошёл побродить по посёлку, а мысли упрямо возвращались к этой девчонке. Что ему теперь, утереться и отойти в сторонку? Ну нет, девка, шалишь. От Кузьмы так просто не уйдёшь, никуда ты не денешься со своим гонором.

Анна в это время лежала в кровати, отвернувшись к стене, чтобы не приставали с вопросами, и перебирала события сегодняшнего вечера. Если быть честной перед собой, то Кузьма ей понравился. Друзей среди ребят было у неё много, но как-то так сложилось, что это была именно дружба. Острая на язык, легко сочиняющая хлёсткие частушки, умеющая хранить секреты, что редкость среди девчат – её уважали, считали своей в любой компании, но ухаживать побаивались, а ну как просмеёт при всех неудачного ухажёра. И вот Кузьма, не обращающий внимания на смешки приятелей, не обиженный на её пощёчину. Или обиженный, но виду не показывающий? Решивший взять реванш? А ведь думает о нём после этого треклятого поцелуя постоянно. Как будто камень бросил в стоячий пруд, всколыхнул его.

Анна вздохнула. Теперь – то не подойдёт больше, вон как она его обидела. Ну, и ладно. Жила без него, и дальше проживёт. В таком возрасте, и столько раз женатый, это же говорит о чём – то. Она плотнее закуталась в одеяло, и скоро заснула.

Утром собрались с девчонками на работу, Анна задержалась ненадолго возле вахтёрши тёти Любы. Переговорив, вышла на крыльцо и растерянно уставилась на Кузьму, сидящего на бревне.

– Ты что здесь делаешь?

– Тебя жду. Не договорили вчера.

Анна настолько растерялась, что не нашла, что ответить. Спустилась с крыльца, и пошла к комбинату. Кузьма шёл рядом, пожёвывая травинку, руки в карманах брюк. Знакомые здоровались, с интересом поглядывали на них, но вопросов никто не задавал. После проходной разошлись в разные стороны, каждый в свой цех. Подошло время обеда, со всех сторон стекались в столовую рабочие, быстро заполнялись столики. Анна не торопилась, успеет. Всё это время раздумывала, как же ей вести себя с Кузьмой. Ссориться вроде причины нет, он же ничего не говорит обидного. Ну, ждал возле общежития, шёл рядом до проходной – так это никому не запрещено, дорога одна к комбинату. Зашла в столовую, встала в очередь к раздаче, и вдруг услышала:

– Аня, иди сюда!

Взглянула в зал – Кузьма стоит и машет ей рукой:

– Ты что так задержалась? Почти всё остыло.

А на столике перед ним два подноса с едой, и стул свободный, на нём кепка Кузьмы лежит, чтобы никто не сел. Анна растерялась – отвернуться и взять другой поднос? Но свободных мест за столами почти нет, да и как это будет выглядеть. Любой другой взял бы ей обед и она, не задумываясь, села бы за столик, поблагодарив. Если не сядет, все обратят внимание. И выглядеть это будет как ссора влюблённой парочки. Она вышла из очереди и пошла к столику. Села, недовольно взглянула на Кузьму:

– Ну, что тебе надо то? Что привязался?

Тот в ответ пожал плечами:

– Да я и сам не знаю, что мне надо. Но отстать не могу. Вот разберусь, и тогда либо отстану, либо наоборот не отпущу никуда от себя.

– А меня – то спросишь, может? Мне – то это надо?

– Ну, вот и разберёмся вместе, надо это нам или нет. А то пока по отдельности разбираться будем, тебя уведут из – под носа.

Анна невольно рассмеялась, да так заразительно, что вслед за ней и Кузьма начал похихатывать, а там и соседние столики, с интересом прислушивающиеся к такому необычному разговору, и вскоре хохотала уже вся столовая. После такого сердиться уже было просто невозможно, и Анна насмешливо взглянула на Кузьму:

– Ну, давай разбираться.

После смены они вместе пошли домой. Кузьма проводил её до общежития, придержал за руку:

– В клуб то придёшь?

– Приду. Надо же нам как – то разбираться с тобой, – и со смехом убежала.

Кузьма усмехнулся, постоял немного у крыльца, и пошёл к своему общежитию.

Когда Анна вошла в свою комнату, подружки сидели вокруг стола, ожидая её.

– Ань, не боишься, что поматросит и бросит?

– Не боюсь, девочки. Я ведь деревенская, а у нас в Сибири с этим строго. Пока штампа в паспорте не будет, никакого «поматросит».

– Ну, смотри. И не против даже седьмой женой стать?

– Говорят, цифра семь счастливая, так что посмотрим. Да и надо ли это ему. Посмотрит, что не обломится ему ничего, да и отстанет. Ну, хватит об этом. Давайте ужинать, да будем в клуб собираться.

Ещё издали Анна увидела среди ребят на крыльце Кузьму. Увидев её, он отбросил в сторону папиросу. Когда девчата поднялись по ступенькам, без слов взял Анну за руку, и в клуб они зашли вместе.

Посреди зала танцевало всего несколько пар. Кузьма, не выпуская руки Анны, прошёл в центр и присоединился к танцующим. Его нисколько не смущало, что на них смотрят и переговариваются. Анна, сначала чувствующая себя неловко, наконец освоилась и смело вскинула руки на плечи партнёра. Музыка смолкла, но пары не расходились, и Кузьма тоже остался на месте, придерживая Анну за талию. Поставили новую пластинку, и они продолжили танцевать. Анна любила танцы, а в паре с Кузьмой это было просто замечательно. Он не топтался на месте, как многие парни, а уверенно вёл её за собой. А следом включили вальс. Анна так его любила, но танцевала только с девчонками, потому что мало кто из ребят хорошо танцевал вальс, а терпеть оттоптанные ноги она не хотела. Танцоры отошли к стенкам, осталось всего три пары, в том числе и Анна с Кузьмой. Она вздохнула, но в это время Кузьма поймал такт, и они плавно закружились по залу. Это было волшебно! С подругами Анна всегда была ведущей, и следовать за партнёром, подчиняясь его ритму, было так необычно, но так приятно. Она расслабилась, и полностью отдалась танцу. Они кружились в обе стороны, что даже мало кто из девчат может, и Анна была просто счастлива! Когда музыка смолкла, она взглянула на Кузьму. Он улыбался:

– Здорово танцуешь! Давно я не получал такого удовольствия. Вот видишь, одно у нас уже есть, ради чего стоит быть вместе.

Анна засмеялась:

– Ради танцев?

– А почему нет, это тоже много значит. Чувствуешь, как души наши сливаются, когда танцуем?

Она покраснела, и отвернулась. Но в это время снова заиграла музыка, Кузьма взял её за плечи, развернул и они снова начали танцевать. Время летело незаметно. В конце вечера на сцену поднялся гармонист, заиграл частушки, и началось весёлое соревнование, в котором Анне не было равных. Кузьма не пел, всегда отшучивался:

– Кому – то медведь на ухо наступил, а мне на горло.

Сам не пел, но слушать песни любил, а уж частушки тем более. И сейчас с гордостью следил за Анной, вместе со всеми хохотал от души над теми, что были на грани хулиганства, когда по рифме ожидаешь совсем другое слово. Конечно, перепеть её невозможно, то ли знает столько, то ли сочиняет на ходу. Вечер закончился, и молодёжь с шутками и смехом повалила из клуба.

Кузьма с Анной вышли в числе последних, он обнял её за плечи и повёл по направлению к общежитию. Не доходя, остановился в тени кустов, склонился. Анна хотела вырваться, возмутиться, но когда он взял её лицо в руки, замерла, таким нежным было это движение. Его губы коснулись век, скользнули по щеке, коснулись уголка губ. Поцелуи были лёгкими, губы неожиданно мягкими, ласковыми, и она расслабилась, впитывая эти незнакомые ощущения. А руки Кузьмы скользнули ей на шею, поглаживая, прошли по плечам и коснулись груди. Анна вздрогнула, и отшатнулась. Всё очарование пропало.

– Ах, ты кобель! Потанцевал вечер, и всё, заполучил подружку!

Резко толкнув его в грудь, она бросилась бежать по улице. Добежав до общежития, села на бревно, возвращаться к девчонкам не хотелось. Слёзы обиды и злости наворачивались на глаза, и она сердито смахивала их. Ещё не хватало, чтобы кто –нибудь увидел её плачущей. И только успокоившись, пошла в комнату. Девчата уже спали. Анна легла, но в голове всё

прокручивались события сегодняшнего вечера, и она не знала, что делать, права ли она? Но уж слишком быстро всё развивается. Она и сама ещё не знает, нравится ли ей Кузьма настолько, чтобы встречаться с ним, а за неё уже всё решено. Уснула, когда за окном светало.

Проснулась от девичьих смешков, звона ложечек в стакане. Кто – то уже принёс кипяток с вахты, второпях завтракали. Анна встала, быстро заправила кровать и тоже стала собираться.

– Как вы вчера танцевали, Аня, просто загляденье. Нравится тебе Кузьма?

– Не знаю, Катя, слишком быстро всё. Даже страшновато. Не знаю, что и делать.

– А ты сразу ему скажи, что с тобой гулять так не получится, что только если серьёзные у него намерения.

– Да какие же тут намерения, мы и не знаем друг друга толком. Один вечер только и были вместе, а я ему – женись на мне, что ли? Вот и не знаю, что делать. Опозориться – то перед всеми не хочется.

Позавтракали, всей гурьбой пошли к выходу. Выйдя на крыльцо, Анна сразу увидела Кузьму. Он подошёл, придержал её за руку. Подруги убежали вперёд, они пошли следом.

– За вчерашнее прости. Но я же мужик, тоже должна понимать.

– Да понимаю я. Но не по мне такие гуляния, давай уж оставим всё это. Девчонок много свободных, разведёнок тоже, гуляй на здоровье. Я домой рано или поздно вернусь, в деревню, а у нас с этим строго. Так что не получится у нас с тобой, Кузьма, ничего.

– Не будем загадывать. Запала ты мне в душу, сам себе удивляюсь. Я постараюсь себя в руках держать, что я, совсем уж без понятия. Наш цех ближе к столовой, я займу на тебя так же столик, имей в виду.

Анна кивнула. Дальше шли молча, каждый думал о своём. После проходной Кузьма напомнил о столовой, и разошлись по цехам. В обед вместе обедали, после смены вместе шли домой. Проводив до общежития, Кузьма ушёл к себе, но к девяти вечера вернулся. Сидел на знакомом бревне, курил, ждал Анну и думал. Чем она его так зацепила, и сам не знал, но отступать не собирался. Снова танцевали, после клуба проводил. На прощание поцеловал, и быстро ушёл. И так изо дня в день. Но время прощаний всё более затягивалось, поцелуи становились всё смелее, ласки всё настойчивей, вот только самого сокровенного местечка Кузьма так и не коснулся. Здесь был твёрдый запрет, и он подчинился. Все вокруг уже понимали, что дело идёт к свадьбе. Близилось Восьмое марта.

– Ань, а ты любишь Кузьму? – с любопытством спросила как – то утром Катя, подсаживаясь к ней на кровать.

– Наверное, люблю. Приятно мне с ним, легко. А вот то, что голову не теряю, лишнего не позволяю, правильно это? Любовь ли? Сама об этом думаю последнее время. А какая она, любовь, откуда я знаю. Он мне и опомниться не дал, сразу прилепился, не оторвать. А может, так и надо? Сказал, что поженимся. И боюсь, Катя, и жду. А чего жду, и сама не знаю. Какая она, семейная жизнь, чего ожидать от него. Ведь уходил почему – то от жён. Шутка ли, шесть раз женат был. Поэтому и осторожничаю, наверное, боюсь довериться. Вот и не получается полюбить так, как в книжках пишут. А может, и нет её, такой любви, как в книжках? Чтобы и горела вся, и пылала от страсти, и с ума сходила? – Анна захохотала, повалила Катю на кровать, а сама вскочила и побежала умываться.

Начало марта. В Забайкалье, как и Сибири, ещё лежит снег, хотя солнце пригревает по – весеннему. Празднование Восьмого марта прошло весело. Накрыли с девчонками стол, пригласили и Кузьму. Тот пришёл с тортом и с маленьким подарком, красиво завернутым в цветную бумагу. Разлили по стаканам вино, и Кузьма встал. Развернул бумагу, открыл маленькую продолговатую коробочку и взял в руки небольшие золотые часики:

– Девушки, я вас всех поздравляю с вашим Женским праздником. Но хочу обратиться к Анне. Аня, я хочу, чтобы эти часы отсчитывали время нашей долгой счастливой совместной жизни. Ты ведь согласна стать моей женой?

– Как женой? – растерянно спросила Анна, – Мне же только в сентябре 18 лет.

– Ань, я поговорил с секретарём сельсовета, он подсказал, как можно раньше расписаться. Ну, нет уже моих сил ходить вокруг да около! Не могу я без тебя. Если всё получится, выйдешь за меня?

– Выйду, – в смятении прошептала Анна.

Кузьма шагнул к ней, застегнул на запястье браслетик часов, и крепко обнял. Следом бросились её обнимать подружки, поздравляя с началом новой жизни. Посидели очень хорошо, настроение у всех было приподнятое.

На следующий день ближе к обеду в цех вошёл Кузьма, прошёл к Анне.

– Нас в профком вызывают, пойдём.

– Вместе в профком? А что случилось?

– Да вот случилось, – рассмеялся Кузьма, – Пожениться кто – то решил, вот и вызывают.

Председатель профкома от души поздравила их с предстоящим событием. Поинтересовалась, когда планируют расписаться.

– Да сегодня после обеда и сходим, – ответил Кузьма, – Я уже договорился с начальником цеха, Анну тоже отпустят, я думаю.

– Замечательно, ещё раз поздравляю. А вызвала я вас вот по какому вопросу – свободного жилья у нас на комбинате сейчас нет, вы это знаете. Но комнату в семейном общежитии мы вам выделили. Ключи от комнаты сегодня у вахтёра заберите.

Они поблагодарили, и вышли. Кузьма обнял Анну за плечи, коротко прижал, заглянул в ошеломлённые глаза:

– Ты рада?

– Наверное. Всё так закрутилось, что мне даже страшно. Страшно, что от меня сейчас ничего не зависит, всё решается без моего участия.

– Милая моя, но так и должно быть. Привыкай, что теперь у тебя есть муж, который и должен решать все вопросы. Это разве плохо?

– Не знаю. Наверное, хорошо, просто я так не привыкла. А как же ты всё это решил?

– Да поговорил у нас в медпункте, попросил справку, что ты беременна.

Анна испуганно ахнула, но Кузьма успокоил: –

– Не переживай, все всё понимают, не мы первые справку такую берём, чтобы пожениться. Её просто в сельсовете подошьют в дело, кто это проверять будет. Поговори сейчас со своим начальником цеха. После обеда сразу из столовой и пойдём. Мой отпустил меня до завтра. Может, и тебя отпустят, что уж возвращаться на час всего, а то и меньше.

– Я поговорю, – Анна высвободилась из его объятий, и побежала в цех.

Конечно, Анну отпустили. Начальник цеха поздравил, поинтересовался насчёт жилья. Узнав, что им выделили комнату в семейном общежитии, довольно кивнул:

– Правильно. Новый дом только собираются закладывать, глядишь, и вы в нём квартиру получите. Если ребёночек к тому времени родится.

Анна покраснела, и начальник засмеялся:

– Дело житейское, что уж тут краснеть, какая же семья без детишек. Ну, беги, жених жаждался уже, наверное.

Сходили за паспортами, и в сельсовет. Секретарь помогла написать заявление, зарегистрировала их, поставила штамп в паспорта. Выйдя на крыльцо, Кузьма обнял Анну за плечи, коротко прижал к себе:

– Ну вот мы и муж с женой. Пойдём за ключами от комнаты?

Анна кивнула. Было немного не по себе. Они сейчас заберут ключи, пойдут в комнату. И что дальше? Они теперь муж и жена, больше отказывать причины нет. А если он сразу на неё набросится?

Вахтёрша взяла ключи, и пошла впереди них показывать комнату. Открыла дверь и ключи протянула Кузьме:

– Располагайтесь, молодёжь. Это теперь надолго ваш дом.

Анна вслед за Кузьмой перешагнула порог. Стандартная комната – круглый стол, шифоньер, комод. И кровать. Не узкая кровать, как в их общежитии, а двуспальная, заправленная пикейным покрывалом. Кузьма подошёл к двери, закрыл её на крючок:

– Аня, ты не бойся. Это в первый раз вам больно. Сейчас все на работе, вахтёрша далеко, мы одни в общежитии. А ночью все дома, стенки сама знаешь, какие. Лучше уж сейчас.

Анна кивнула, стараясь не показать испуга. Кузьма расправил постель, взбил подушки, скинул туфли:

– Иди ко мне.

Анна подошла, села рядом. Кузьма взял её за подбородок, приподнял лицо и стал осыпать лёгкими поцелуями, поглаживая шею, плечи, временами скользя по груди. Эти ласки и поцелуи были для Анны уже привычными, и она постепенно расслабилась. Обняла Кузьму за шею, прижалась, полностью доверяя себя. И он понял. Продолжая ласкать, расстегнул пуговицы платья, опустил его до пояса, коснулся обнажённой груди. Анна вздрогнула и издала слабый полувздых – полувслип. И Кузьма быстро встал, не отпуская её, стянул и откинул в сторону платье, торопливо разделся. Снова обнял, и они опустились на кровать. Ласки становились всё настойчивей, запретных зон больше не было, и Анна с готовностью подчинялась всем его движениям, получая удовольствие от того, что с нею происходило. Даже короткая острая боль не испугала её, она слабо охнула, на миг сжала ноги, но тут же доверчиво раскрылась навстречу движениям мужа.

Когда всё закончилось, Кузьма перевернулся на спину, не выпуская её из объятий:

– Какая же ты сладкая. Так бы и не выпускал тебя из кровати.

Анна в ответ прижалась к нему, обхватив руками, целуя в шею, в подбородок.

Зажили они хорошо, дружно. Утром вместе на комбинат, вечером торопились домой. Казалось, не могли насытиться друг другом. Анна в полной мере узнала, что такое счастливая семейная жизнь. В клуб ходили редко, им было хорошо вдвоём.

В июле несколько человек, в том числе Кузьму, отправили в Читу получить машины для комбината. В один из вечеров Анна решила навестить подруг, с которыми виделась теперь только в заводской столовой. Кузьма был против того, чтобы она дружила с незамужними девчонками. Пили чай, болтали обо всём и не могли наговориться. Пришла пора уходить, и Анне даже грустно стало. Оказывается, ей так не хватает общения со сверстницами. Когда проходила мимо вахты, тётя Люба окликнула её:

– Совсем забыла про нас, девонька. Хорошо с Кузьмой живёте?

– Хорошо, тётя Люба, – вспыхнула от смущения Анна.

– Ну, вот и хорошо. Смотрю, на сносях ты. Когда срок – то?

– Какой срок? – растерялась Анна

Тётя Люба вышла к ней:

– Да ты что, моя милая! Не знаешь, что ребёночка ждёшь? Посмотри на фигуру свою, на лицо. Пигментные пятна, мальчишка будет, значит! Когда последние женские дни были?

– В марте мы поженились, в апреле были. Я и не подумала. Это что, я ребёночка жду?

Тётя Люба расхохоталась: -

– Ну ты, девица, даёшь. Тебе что, никто не объяснял? А муж твой слепой, что ли?

Анна порывисто обняла вахтёршу, и выскочила из общежития. Шла домой, и не верилось, что внутри неё зреет новая жизнь, что она станет мамой. Вот и оправдалась справка, что Кузьма взял. Ей в сентябре только 18 лет исполнится, а она беременна. Обрадует Кузьму, когда он приедет.

Кузьма приехал на следующий день рано утром, она ещё была в постели. Быстро разделся, и к ней под бочок:

– Ох, и соскучился я! Неделю дома не был.

Он начал ласкать её, и Анна привычно отзывалась, обнимая и целуя его. Позже Кузьма сонно пробормотал:

– Всю ночь ехали, торопились домой. Хорошо, что выходной, не надо рано вставать. Ты не уходи, так с тобой уютно. Пополнела от семейной жизни, грудь такая аппетитная стала.

И мирно засопел. Анна вздохнула. Ладно, новость немного подождёт, не будить же его, такого уставшего. Устроилась у него под боком, и вскоре тоже задремала.

Когда проснулась, Кузьма ещё крепко спал. Осторожно выбралась из постели, пошла на общую кухню. Чистила картошку, а мысли были только о том, как она скажет Кузьме и что услышит в ответ, как он примет эту новость, обрадуется ли. Когда картошка сварилась, заглянула в комнату – Кузьма уже не спал, но ещё не встал с постели. Улыбнулась ему с порога:

– Поднимайся, сейчас есть будем.

Принесла картошку, отварное мясо, зелень с небольшого огородика. Сели за стол. Кузьма с аппетитом ел, Анна же только картошку брала, да луком заедала, мяса не хотелось. Как начать разговор, не знала.

– Чайник то поставила?

– Ой, забыла! – она вскочила и убежала на кухню.

Когда вернулась с горячим чайником, Кузьма ещё сидел за столом. Налила чай, присела.

– Что – то ты на себя не похожая. Рассказывай, что тут без меня было.

– Кузя, я ребёночка жду, – и рассмеялась, – Ну вот, готовилась – готовилась, как расскажу тебе, и бухнула разом.

Кузьма вскочил со стула: -

– Вот это новость! Вот это ты меня встретила! В медпункте была?

– Да нет. Я и не думала, мне тётя Люба сказала. Завтра схожу.

На следующий день фельдшер подтвердила беременность, срок посчитала в феврале месяце. Кузьма все эти месяцы относился к Анне бережно, поглаживал растущий животик, ловил движения малыша ладонью. Анна была счастлива. 27 февраля 1936 года родился сын, назвали Виктором. Кузьма на руках готов был Анну носить за сына. Закончились 56 дней послеродовых, и Виктора устроили в детские ясли, Анна вышла на работу.

Утром нужно приготовить завтрак, покормить Виктора, унести в ясли, и бегом на работу. В обед бегом в столовую, кормящих мамочек пропускают без очереди, и в ясли покормить сына. После работы за Виктором, домой кормить Кузьму, да и самой перекусить. Пеленки стирать, сушить, гладить. И так с утра до ночи. В постель падает без сил. Зубки когда резались, вообще забыла, что такое сон. Виктор плачет, и она вместе с ним от бессилия, что помочь не может. И не заметила даже, когда же Кузьма отдаляться начал. Что давно уж не трогает её, и не замечала, до этого ли. Наоборот, благодарна была. Думала, бережёт её. Весь мир сузился до маленького человечка, который подрастал рядом. Кузьма несколько раз предлагал отдать сына в круглосуточные ясли, но Анна не могла согласиться. Шутка ли, в выходные дни только своего ребёнка видеть. Да и не брали в круглосуточные ясли от кормящих матерей, сначала от груди надо отлучить. Нет, на это Анна не могла решиться. Кормила его грудью почти до двух лет и отдала в круглосуточный садик, только когда Виктору исполнилось три года. Посреди недели мамочкам приходиться не разрешали, зачем тревожить детей. Виктор рос спокойным, уравновешенным, в садике его любили и он быстро освоился. Анна вздохнула свободнее, начала приходить в себя. Тут и заметила, что неладно у них с Кузьмой. Попыталась поговорить, и была просто ошарашена его ответом:

– А ты что хотела, я же мужик. А от тебя толку нет ни днём, ни ночью.

Что делать? Уходить, но куда? Да и как же семью порушить, сына без отца оставить. Попыталась наладить отношения, во – всём угождала, ночью сама стала ласкать мужа. А он делал своё дело, не заботясь об её чувствах и отворачивался к стенке. Быстро засыпал, а она лежала рядом без сна, глотая слёзы. Летом Анна поняла, что снова беременна. Новость эту восприняла без радости, положение её ещё больше усложнялось. Кузьме и говорить ничего не стала. Когда живот заметно подрос, и сам заметил.

– Что, снова брюхатая? – спросил он равнодушно, и ушёл. В эту ночь в первый раз домой не вернулся, утром пришёл переодеться и позавтракать.

– Что же ты делаешь, Кузьма? Что же позоришь меня перед всеми?

В ответ он ударил её по лицу:

– Повякай мне ещё, – и ушёл.

Анна подошла к зеркалу – из рассечённой губы шла кровь. Умылась, смывая кровь и слёзы. Больше ни о чём мужа не спрашивала.

Кузьма жил, не обращая на Анну внимания. За любую оплошность стал бить – не приготовила во- время поесть, не убрала со стола, не так заправила постель, да мало ли причин. Анна молчала, не плакала, не просила пощады, только живот руками закрывала. Дни бежали похожие друг на друга- работа, безрадостный дом, из которого ушло тепло. Даже к побоям привыкла, лицо только закрывала, а то стыдно перед людьми. Только и отдушина – выходные дни с сыном. Кузьма в эти дни домой не появлялся, и они полностью были предоставлены сами себе. Гуляли, качались на качелях, а вечером Анна готовила что-нибудь вкусненькое. Приближалось время декретного отпуска. Не выдержав, Анна написала письмо домой, излила душу. Ответ пришёл через месяц.

Глава 3

На выходные Кузьма, как всегда, из дома ушёл. Пришёл в понедельник утром перед работой. Подходя к общежитию, увидел окна своей комнаты тёмными.

– Вот шалава! Дрыхнет без задних ног.

Распалаясь всё больше, быстро шёл по коридору, уже представляя себе, как скинет её с кровати, как врежет по этому ненавистному застывшему лицу. Что за баба! Сколько ни бей, молчит. Рывком распахнул дверь, включил свет. В комнате никого не было. Ничего не понимая, огляделся. И сына нет. На кухню за собой потащила? Кипя от злобы, пошёл на кухню. У плиты стояла соседка, готовила завтрак.

– Не знаешь, где мои?

– Так в субботу ещё уехали.

– Что? Куда уехали? Ты что несёшь?

Соседка пожала плечами:

– Откуда же я знаю, куда уехали. Подальше от тебя.

Кузьма вернулся в комнату, осмотрелся. Никакой записки. Свои вещи не все забрала, и детские почти все на месте. Может, решила его проучить, и куда – то ненадолго отправилась? Вот только куда?

Прошёл месяц, второй. Кузьма терялся в догадках. Расспрашивать людей было стыдно, засмеют. Что за мужик, если баба от него на сносях да с маленьким ребёнком сбежала. Ходил на работу, возвращался в пустую комнату. Привык за эти годы к отлаженной семейной жизни, и никак не мог войти в колею. Неужели в свою деревню поехала, в такую даль беременная, да с малышом на руках? Время смутное, отпуска никому не давали, стране нужно было золото. Он и соваться с просьбой об отпуске не стал, кто даст. Как-то встретил во дворе комбината кадровичку, спросил об Анне. Та удивлённо взглянула на него:

– Она же, как только ушла в декрет, написала заявление на увольнение. Сказала, что в деревне хочет родить возле матери, та поможет. Ей подписали, всё равно какая из неё работница, двое маленьких детей.

Кузьма молча пошёл в цех.

Глава 4

Анна до своей деревни добиралась неделю. На билеты она накопила, и на еду тоже, понемножку на всём экономя. Но Виктор постоянно хотел есть. Добрые люди в дороге подкармливали. И с подводой от Харика повезло, мужик сына к поезду привозил. Узнав, что она дочка Ивана Борисова, вызвался до самого дома довезти.

Увидев Анну во дворе, мать выбежала на крыльцо, плача от радости. Отец тоже вышел, сдержанно обнял, прижал на мгновение к себе:

– Ничего, Нюра. Проживём.

И потекли спокойные дни. Хлопотала с матерью по дому, управлялась со скотиной. Виктор перестал бояться, а то и ему частенько от отца подзатыльник прилетал. Дед же Иван никогда не кричал, не ругался, рядом с ним было хорошо. 10 марта 1940 года родилась дочь, назвали Клавой. Рядом на Третьем отделении создали совхоз, и Анна сразу пошла туда, на трактористку выучилась быстро. Жили в бараке на три семьи, но в тесноте, да не в обиде. В совхозе платили зарплату, в колхозе же только трудовни. Родители занимались детьми, хозяйством, а Анна работала. В посевную с трактора не слезала, иногда и ночевала в поле, чтобы с рассветом снова за рычаги. А в уборочную и вовсе о доме забывала. Время такое – день год кормит, зимой отдохнёт. Трактор у неё был колёсный СТЗ- 15/30, без крыши, полностью железный, даже сиденье железное.

В марте 1941 Клаве исполнился год, у деда с бабкой была она любимицей, на их руках с рождения. Вите пять лет – спокойный, безотказный. Если обидит кто, тихонько поплачет в уголке, но жаловаться не пойдёт.

В этом году весна выдалась поздняя, слякотная. Анна выматывалась, с трудом выполняя норму. В конце июня наконец – то установилась погода, все бригады ночевать оставались в поле, закончить бы с посевной. Анна шла уже последний круг, когда увидела вдали всадника. Тот мчал во весь опор к стану, рубаха надулась пузырьком от ветра. Спешился возле навеса, к нему подошла повариха. Издали было видно, что вести он принёс нехорошие, слышны были крики, все спешили к нему. Но Анна закончила круг, и только тогда подъехала к толпе. Новость буквально оглушила – война! 22 июня 1941 года в 4 часа утра фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Объявлена мобилизация, все мужики от 18 до 35 лет должны явиться в военкомат. За неделю деревни опустели, отголосили бабы, провожая кто мужей, кто сыновей на фронт. А земля ждать не будет, каждый день дорог. В совхозе трактористов не осталось, многие добровольцами ушли. Анна если и раньше во время посевной дневала и ночевала в поле, то теперь и подавно. Да ещё обучать нужно новичков – непризывные мужики, да и бабы пришли в совхоз. Как – то её ученица пришла пораньше, и со смехом рассказала о случае в совхозной бане. Мальчишки все почти имели гузку – коровий хвост заканчивается кисточкой, и при забое кисточку эту отдавали мальчишкам. Те привязывали к кисточке верёвочку и играли с гузкой. Была такая и у Вити – рыжая. Было ему 6 лет, с мужиками париться неумоготу, и бабушка брала его с собой в женский день. Топили совхозную баню каждую субботу, и многие ходили в неё в целях экономии своих дров. И вот моет бабушка Витю, а тут заходит в мойку доярка Таня, молодая девушка. Виктор увидел её, и громко говорит:

– У Таньки кунка как моя гузка.

Бабы захохотали, а Таня начала ругаться и требовать, чтобы бабушка не водила мальчишку больше. А та в ответ: -

– Ну конечно! Из-за твоей кунки парнишка у меня грязный ходить будет.

Таня развернулась, и ушла из бани, а бабы долго ещё посмеивались.

Уже ночью Анна пошла домой, поговорила с родителями, чтобы дед мыл Витю и отдавал бабушке. Сходила и к Тане, извинилась за сына перед заплаканной девушкой и пообещала, что больше его водить не будут.

Глубокой осенью Иван привёз из Харика новость – к весне гусеничные тракторы в совхозы пригонят, открывают курсы. Анна пошла к директору совхоза. Тот заартачился сначала из – за маленьких детей, но что делать, мужиков то почти не осталось. А те, что остались, какие из них трактористы. Дал направление. После Нового года поехала на курсы, учили их по ускоренной программе. Больше учили ремонтным работам, сами должны были приводить свою технику в порядок. Какие трактора пригонят, никто не знал. Весной 1943 года пришли тракторы, но такие старые. Анна получила свой, и включилась в пахоту. Бессменно на её тракторе трепыхался красный флажок, угнаться за ней не могли. Так прошёл 1943 год, пришла посевная 1944 – го. Весна выдалась слякотная, а пахать надо. Уставала Анна за смену, да и трактор ломаться начал. На всю округу один кузнец остался, да и то потому, что одноглазый, на фронт не взяли. Чтобы запчасть выковать, ему молотобоец нужен, и Анна вставала к наковальне, махала кувалдой. До того выматывалась, что снова перестала домой ездить ночевать, спала у трактора, а с первыми лучами солнца за рычаги, норму нужно выполнять. Виктору исполнилось уже восемь лет, приносил ей поесть в поле, а Клаву неделями не видела. В субботу топили баньку, и тут уж она душу отводила – парилась, отмывалась, и после бани сразу засыпала. Утром чуть свет вставала, мать уже ждала с горячим завтраком. Ела наспех, брала с собой картошку в мундире, огурцы, и в поле. Как – то в конце недели то ли день выдался неудачный, то ли усталость так придавила, но за день несколько раз Анна просто вырубалась, засыпала прямо на ходу. Останавливала трактор, спрыгивала на пашню и спала какое – то время. Наступил вечер, темнело, но Анна решила сделать ещё круг, и тогда уж отдыхать. Прошла больше половины круга, и задремала. Когда трактор сильно тряхнуло, не поняла даже, что случилось. Спрыгнула, и застыла, не в силах поверить в случившееся. Она наехала на бочку с керосином, и раздавила её. Почти полная бочка. Вредительство! Тюрьма!

Анна огляделась – в поле никого, все уже дома. Завтра суббота, баня, тоже никто не придёт. Она побежала в деревню. Когда вошла в дом, семья сидела за столом. Иван взглянул встревожено:

– Что случилось?

Она сделала знак рукой, и вышла в сени. Отец за ней, следом и мать. Новость испугала его, а уж мать и подавно за сердце схватилась. Отец думал недолго:

– Выход один – бежать.

– Ваня, что говоришь то? Куда бежать?

– Я в Харике слышал, сейчас на Север вербуют в Иркутске. Значит, добираться в Иркутск и завербоваться, на Севере искать не будут. И бежать сейчас надо, ночью. В Харик нельзя, до Зимы тайгой 60 км. Придётся идти пешком.

– Господи, да как же так, по тайге ночью одной. Хоть вещички бы какие взять, – Марина заплакала.

– Не плачь, мать. В тюрьму то страшнее, срок большой дадут – война, а это вредительство. Виктору уже восемь лет, возьмишь с собой. Скажем, плохо ему ночью стало, в Харик пошла с ним. Корову свою возьмишь, на неё барахлишко погрузишь. В Зиме у Сани оставишь, я потом как –нибудь заберу. Главное – до Иркутска добраться. Нам не пиши, сама понимаешь, что нельзя.

Вернулись в избу. Анна разбудила сына, он без возражений собрался. Иван накрутил уже два узла вещей, прочно связал их и пошёл в хлев. Анна обнялась с матерью, осторожно поцеловала спящую Клаву, подошла к отцу.

– С Богом, дочь. За нас не переживай, проживём. Береги себя и сына.

Анна кивнула, взяла за руку Виктора, и вышла во двор. У крыльца стояла Жданка, навьюченная узлами. Иван вышел следом:

– Я провожу немного, а то душа изболится за вас.

Прошли по пустынной улице и углубились в лес. Шли молча. Часа через два Анна остановилась:

– Тятя, тебе пора возвращаться. А то придут, а тебя нет. Не бойся, не заблудимся, выросли в этих краях.

Они ещё раз обнялись на прощание, и Иван передал ей ружьё:

– Мало ли что, с ним спокойнее. Тоже у Сани оставишь, заберу. Удачи тебе, дочка. А ты, Виктор, береги мать.

Повернулся, и исчез в темноте. А беглецы пошли вперёд, настороженно вслушиваясь в ночные звуки. Виктор не боялся, ведь мама рядом.

К Сане пришли к вечеру. Определили Жданку, Анна пересмотрела багаж и кое – что отложила. Взяла только самое необходимое. Пообедали, и собрались на вокзал. Саня предложила оставить Витю, куда же мальчишку тащить за собою неизвестно куда. Но, обычно мягкий и послушный, здесь он упёрся и ни за что не согласился оставить мать. Провожать их на вокзал Анна не разрешила, мало ли что, ещё попадёт в неприятность из – за неё.

В вагон сели без труда, время военное, в дорогу отправляются только по необходимости. Сели на лавку, узлы под ноги. Витя притулился сбоку, и Анна обняла сына за плечи, прижала к себе. Он вскоре задремал, а Анна прислушивалась к разговорам, надеясь на то, что не только она едет для вербовки в Иркутск. И действительно, в углу заспорили два мужика непризывного возраста. Один говорил, что на вокзале вербовочный пункт, а второй утверждал, что возле старой церкви. Утихомирила их пожилая женщина:

– Нашли о чём спорить, оглашенные, покою от вас всему вагону нет. Что, в Иркутске – то один вербовочный пункт? Работников сколько нужно, молодняк – то на фронте. Всех берут без разбора, всех определяют. На прииски в основном, стране золото нужно.

Мужики замолчали, и в вагоне установилась сонная тишина.

В Иркутск приехали утром. Анна старалась не терять из виду мужиков, которые спорили в вагоне. Вслед за ними дошла до вербовочного пункта, Витю посадила на узлы в сторонке, а сама встала в очередь. Взяли её без проблем – опыт работы на комбинате Балеязолото, да ещё и трактористка. Направление дали в Якутск. Через два часа должен прийти автобус, повезут их в Качуг, а там на барже по реке Лена. Анна сбегала в магазин, купила хлеб в дорогу. Сходили в столовую, поели, и стали ждать автобус. В Качуге погрузились на баржу, и поплыли вниз по течению. В Усть-Кут приплыли рано утром. И первое, что увидели на пристани – толпу милиционеров. Пока баржа пришвартовывалась, они растянулись цепочкой, а пятеро офицеров стояли и ждали. Как только скинули трап, они поднялись на борт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.